

людьми в самых различных аудиториях, особенно по линии реорганизованного Республиканского государственно-общественного общества «Знание». Личный опыт подсказывает: недопустимо уходить от вопросов острых, порой нелюбимых, но так волнующих молодых людей! В лице историка-патриота, лектора молодые люди должны видеть цельного, увлеченного профессионала, наставника, а не самодовольного «знатока» неофициальный «фольк-хистори», или, как метко говорят в народе, человека с «фигой в кармане».

В заключении скажу: следует стремиться к воссозданию истины во всем ее конкретном многообразии и диалектической противоречивости, памятуя, что за нами правда истории, правда жизни, что Знамя Правды непобедимо!

Литература:

1. Суворов В. День «М»: Когда началась Вторая мировая война? – М.: ООО «АСТ», 2000. – 432 с.; Он же: Ледокол. – М.: ООО «АСТ», 1997. – 576 с.; Он же: Освободитель. – М.: ООО «АСТ», 2000. – 384 с. и др.
2. Краюшин В. Кто и зачем переписывает историю? // Белорусская военная газета. 7 декабря 2007.
3. Лепешко Б. Обратный отсчет. // Советская Белоруссия. 4 мая 2005.
4. Ключевский В. О: Сочинения в 9 т. Т. IX. Материалы разных лет / Под ред. В. Л. Янина. – М.: Мысль, 1990. – 309 с.

О.В. Карпович

г. Брест

Научный руководитель – В.В. Швед

БРЕСТ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ОККУПАЦИИ 1941 г.

Пограничный Брест одним из первых городов принял на себя тяжелый удар войны. И если войну невозможно было предотвратить, то первые её удары в Бресте смягчить было вполне реально, если бы не откровенно бездарные действия областных и городских властей и командования армейских частей. По вине городских властей город был оставлен без защиты и простой моральной поддержки. В этом докладе предпринята попытка восстановить хронологию событий первого дня войны и начального периода немецкой оккупации без учета событий в военкомате, на вокзале и в крепости, которые уже были многократно и подробно изложены. Показано, что особого организованного сопротивления противнику, брестский гарнизон не оказал, описаны локальные разрозненные столкновения с противником, происходившие на улицах города и его окраинах. Население города неоднозначно восприняло приход оккупантов и было расколото на два противоположных враждебных лагеря.

Накануне войны в Бресте были дислоцированы войска 4-й армии генерал-майора А.П. Коробкова Западного особого военного округа в составе частей: 28-го стрелкового корпуса (генерал-майор В.С. Попов), 6-й стрелковой дивизии (полковник М.П. Попсуй-Шапко), 42-й стрелковой дивизии (генерал-майор И.С. Лазаренко). Кроме того, в крепости и вблизи нее располагались 33-й инженерный полк окружного подчинения, подразделения 17-го Краснознаменного погранотряда (майор А.А. Кузнецов) и 132-го отдельного батальона внутренних войск НКВД. На территории города размещались штабы 4-й армии и 28-го стрелкового корпуса. Этим частям противостояли подразделения 12-го немецкого армейского корпуса, непосредственно наступавшего на Брест в составе

34-й пехотной дивизии (наступала южнее города), 31-й пехотной дивизии (севернее города) и 45-й пехотной дивизии (крепость и город). Советских войск в городе и окрестностях в целом было достаточно, чтобы без особых усилий отразить нападение, но по ряду причин, часть из которых будет изложена ниже, город был сдан практически без сопротивления.

Известно, что германская разведка имела подробный план города. За две недели до начала войны в городе проходили учения со светомаскировкой. Три дня подряд был отключен свет. Долгое время в Бресте официально находилась группа германских офицеров, многие из них посещали торжественные вечера, проходившие в гарнизонном Доме офицеров Красной Армии [1, с. 39]. По договоренности с Советским правительством немецкая комиссия в Бресте вела работу по перевозке останков своих военнослужащих, погибших во время польской кампании и захороненных в городском парке. Немецкие самолеты регулярно появлялись на законных основаниях в брестском небе; последний раз самолет «союзников» совершил посадку на брестском аэродроме 19 июня. Обстановка в городе, по свидетельствам очевидцев, была тревожная. За несколько дней до войны в городе стали появляться большие группы подозрительных военных в новеньких гимнастерках. За 2 дня до начала войны в Брест из Германии прибыл состав с углем с двумя plombированными вагонами в том числе. Вагоны отогнали в тупик, не вскрывая, и забыли. В этих вагонах и находилась группа немецких солдат.

Партийные и советские работники, высший комсостав Красной Армии начали негласную эвакуацию своих семей на восток. 19 июня на расширенном пленуме обкома партии было замечено, что эвакуация семей высокопоставленных работников создает у населения «нездоровые слухи», и было принято решение запретить дальнейшую отправку семей на восток. Также аналогичное распоряжение поступило от Военного совета 4-й армии. Кроме того, на данном пленуме рассматривалась международная обстановка и было отмечено, что угроза войны существенно возросла. Вместе с тем руководство обкома категорически отказалось проводить какие-либо мероприятия по подготовке города и области к возможной войне [2, с. 6].

21 июня поздно вечером в городском парке был тяжело ранен лейтенант милиции, для его спасения срочно вызвали главного хирурга областной больницы С.Т. Ильина. Вечером на одной из центральных улиц города майор комендатуры С.Г. Климов остановил колонну автомашин с военными. В ходе проверки документов у лиц в головной машине, у него возникли подозрения, что это немцы. О своих наблюдениях он доложил руководству [3, с. 21-22]. В этот же день в областном театре с большим успехом прошла оперетта «Мадемуазель Нитуш» Минского театра драмы и музыки и, по воспоминаниям присутствовавшей на оперетте Я. Чернявской, около полуночи в городе окончательно погас свет [4, л. 9]. Очевидно, в это же время в Бресте высадился диверсионный отряд знаменитого полка Отто Скорцени «Бранденбург-800», численностью до двух рот, переодетый в форму бойцов Красной Армии, пограничников и таможенников. В городе вышел из строя водопровод, были повреждены линии телефонной связи. Из воспоминаний работника милиции ст. Брест-Центральный А.В. Кулеши, шедшего с братом на дежурство ночью 22 июня: «Обратил внимание, что на углу Красногвардейской и Фортечной на столбах мужчина в гражданской форме резал провода. Возле столба стояли трое, тоже в гражданской форме и разговаривали с ним. Нам с братом показалось это подозрительным, но мы, подумав, решили, что производится ремонт» [5, с. 376]. В 0 часов через Брест проследовал

пассажирский поезд международного сообщения «Берлин-Москва». Около двух часов ночи 22 июня по мосту через Буг проследовал товарный поезд в Германию. За 10 минут до артиллерийского налета немцы заняли все мосты через Буг, убив охрану и пограничников. В 3-15 утра начался сильный артиллерийский обстрел крепости, Северного и Южного военных городков. До появления регулярных немецких войск на городских улицах, диверсанты взяли под обстрел все важнейшие точки города.

В этот момент проявилась некоторая растерянность среди партийного и военного руководства городом, наблюдалась паника. В отчете о деятельности подпольного горкома партии с 1941 по 1944 гг., направленного на имя П.К. Пономаренко, упоминается равнодушный ответ со стороны военных властей: «Что хотите, то и делайте» на вопросы простых граждан: «Что нам делать?» [6, л. 8] После первых авиационных и артиллерийских ударов началась эвакуация из города в первую очередь семей высокопоставленных партийных и советских работников, руководства предприятий и организаций. Эвакуация проходила в страшной суматохе и панике. Удалось отправить на восток под обстрелом только один состав. Высокопоставленное партийное руководство во главе с первым секретарем обкома КП(б)Б М.Н. Тупицыным просто сбежало, лишив горожан не столько реальной помощи, сколько простой моральной поддержки. Город остался без власти.

На 22 июня армейским руководством были назначены торжественные смотры боевой техники на одном из полигонов под Брестом. Большинство танков и машин перед этим были тщательно смазаны и стояли в разобранном виде. Значительная часть личного состава и техники подразделений Брестского гарнизона находилась за пределами города, в летних лагерях. Так, зенитчики проходили окружные сборы в районе Минска. Неудивительно, что никакого организованного сопротивления в Бресте не было. Командование воинских частей, за небольшим исключением, было не в состоянии принять нужное решение. «Растерянные гражданские и военные в страшной суматохе метались по улицам»; писал репортер в сентябрьском номере журнала «Вермахт» за 1941 г. о боях в Бресте [7]. Перед самой войной поступил приказ штаба ЗапОВО, согласно которому, все боеприпасы надлежало сдать на хранение на склад и слить из баков бензин. Следовательно, большинство танков, дислоцированных в Бресте, стояло без боеприпасов и горючего. Воинские части, расположенные в Южном и Северном городках, превратились в неподвижные мишени для немцев. Так, только одна 22-я танковая дивизия (генерал-майор В.П. Пуганов), расквартированная в Южном городке, еще не успев выйти в район сосредоточения близ Жабинки, потеряла до 50% танков и автотранспорта, все запасы горючего и боеприпасов. Ситуацию усугубило еще то, что боевая техника 22-й танковой дивизии стояла фактически на ровной открытой площадке, вне каких-либо укрытий. Для корректировки деятельности своей артиллерии немцы подняли на высоту около 500 метров два аэростата, устроив там наблюдательные пункты.

Локальные бои на улицах Бреста развернулись около 7 часов утра, когда основные силы 45-й и 34-й пехотных дивизий противника ворвались в город. Ситуация осложнялась еще и тем, что из тюрем немцы выпустили уголовников, которые тут же принялись за грабежи; мародерства и убийства. Были разгромлены и разграблены продовольственные и промтоварные магазины. На улицах города в большом количестве появились убитые и раненые. Единственным медицинским учреждением Бреста, выполнявшим свое прямое назначение

(по свидетельству С.Т. Ильина), была областная больница, располагавшаяся на ул. Ленина, куда сразу же в огромных количествах стали поступать раненые. Остальные медицинские учреждения города, в том числе и воинских частей, бездействовали [8; л. 4]. Упомянувшийся уже отчет горкома свидетельствует, что часть местного населения благосклонно отнеслась к приходу немцев, некоторые жители откровенно радовались появлению их на улицах города и выходили встречать «освободителей» в праздничных одеждах, приступали к самовольному выселению семей «восточников», партийных и советских работников из наиболее лучших квартир в центральной части города [6; л. 9]. Хозяин одного из домов по ул. К.Маркса, в котором жила семья работника горкома Чиненова при виде немецких самолетов радостно кричал им вслед: «В добрый вам путь! Долетайте скорее до Москвы» [3; с. 24].

Передовые армейские части, занявшие город, сначала довольно лояльно относились к мирному населению, явных устрашающих акций не проводилось. В первые часы войны, по свидетельствам местных жителей, немцы, взяв в плен красноармейцев, тут же некоторых отпускали, только отобрав оружие. Тем не менее, отдельные представители «великого» вермахта с первых же часов принялись за карательные акции. Из воспоминаний П. Пархутика, в 1941 г. жителя Бреста: «У железнодорожного моста четверо наших железнодорожников волокли откуда-то раненого немца с перевязанной головой. Их остановил немецкий патруль. Раненый немец что-то стал объяснять им, показывая головой на своих спасителей. наших людей отвели в сторону и тут же расстреляли» [9]. Вместе с тем, следует отметить, что особых разрушений в центре города практически не было. Было очевидно, что немцы берегли этот район для себя. По свидетельству того же П. Пархутика, например ул. Комсомольская практически не пострадала от артиллерийского и бомбовых налетов, лишь местами лежали поваленные столбы, и были выбиты стекла в домах.

Вслед за передовыми армейскими частями в город ворвались карательные отряды жандармерии и СС, принявшиеся наводить свой «порядок». По неизвестно откуда появившимся у немцев спискам партийных и советских активистов, каратели принимались устраивать обыски прямо на квартирах не успевших эвакуироваться руководящих работников. Первые репрессии были проведены уже около 14 часов 22 июня и утром 23 июня. Были арестованы, а в ряде эпизодов застрелены на месте, начальник облфинотдела Шалман, начальник облторготдела Соловей, прокурор Бреста Казаков, областной прокурор Амилаев, заместитель облпрокурора Розенталь, директор педучилища Ткачев. Был расстрелян и председатель горисполкома И.М. Соловей.

К 8 часам утра сильный бой разгорелся на ул. Ленина и в Северном городке. Недалеко от Кобринского моста яростные атаки противника сдерживала небольшая группа бойцов и местных жителей под командованием начальницы Брестского погранотряда майора Кузнецова. В районе Вольники батальон 44-го танкового полка под командованием капитана М.И. Кудрявцева трижды ходил в атаку и сбрасывал врага в реку. У моста через Мухавец в районе станции Брест-Полесский вела неравный бой танковая рота лейтенанта Н.И. Пономарева. На следующий день местные жители увидели на месте сражения пять сгоревших советских танков вместе с экипажами и вокруг несколько десятков трупов немецких мотоциклистов. Сильное сопротивление противнику было оказано защитниками форта «Граф Берг», расположенного около д. Речица (современный район мяскокомбината). Там небольшой гарнизон держался до 29 июня. Около 8 часов утра на северо-западной окраине города разве-

дивальтельный батальон 42-й стрелковой дивизии на трех броневиках столкнулся с группой немецких танков. В результате боя было подбито два вражеских танка и сгорел советский броневик. К 10 часам противник продвинулся на восточную окраину города, замкнув кольцо вокруг Бреста.

На складе линейного отдела милиции железнодорожного вокзала находилось некоторое количество оружия. При появлении первых групп противника на подступах к вокзалу, около 5 часов утра, было принято решение раздать это оружие добровольцам из числа гражданского персонала (кроме них на вокзале находилось еще до 100 человек военнослужащих). И тут дала о себе знать вековая традиция бюрократизма. По воспоминаниям бывшего диспетчера вокзала П.Н. Грачева, прежде чем выдать оружие гражданским лицам, лейтенант милиции вынужден был заполнить 3 журнала, где подробно описывал, кому выдано оружие, место работы данного человека, его должность, социальное происхождение, количество выданных патронов и т.д. Так, на одного человека тратилось 15-20 мин. [10, л. 7]. И это в тот момент, когда была дорога каждая минута!

Невероятное героísmo, несмотря на огромные потери в самолетах проявили летчики. Около 4-х часов утра 22 июня один из первых таранов в Великой Отечественной совершил над территорией Литвы старший лейтенант П.А. Кузьмин, сбивший Me-109 одного из лучших асов Германии подполковника Вольфганга Шеллмана. К сожалению, советский летчик погиб [11, с. 66]. Мужественно сражались летчики 10-й смешанной авиадивизии (полковник Н.Г. Белов), оборонявшей Брест, сбившие в первый день войны 31 вражеский самолет, в том числе капитан М.Савченко – 9 самолетов [12, с. 101].

Около 10 часов утра воздушное сражение развернулось непосредственно над территорией города. На перехват 8 вражеских самолетов вылетела четверка истребителей капитана Н. Можая (лейтенанты Жидов, Рябцев и Назаров). В бою было уничтожено 3 немецких самолета, один сбил лейтенант П. Рябцев тараном после того, как закончились боеприпасы. Между тем, немецкие архивные данные о потерях Люфтваффе 22 июня 1941 г. в Бресте и его пригородах подтверждают потерю только шести своих самолетов. Согласно тем же источникам, общие безвозвратные потери ВВС Германии в первый день войны на разных участках Восточного фронта составили 63 самолета. Из этого числа 18 машин было потеряно при неизвестных обстоятельствах [13]. По новейшим данным, первый немецкий самолет был сбит над Брестом уже в 3.30 утра летчиком 33-го истребительного авиаполка [14, с. 11]. В любом случае, к обнародованным советским и немецким данным по потерям немецких самолетов 22 июня следует относиться с большой осторожностью.

Писатель Сергей Сергеевич Смирнов, впервые поведавший миру о подвиге защитников крепости, выдвинул версию о том, что последний ее герой сдался, только в апреле 1942 г. Помог выйти советскому бойцу из подземных казематов еврей-музыкант, до войны работавший в джазе одного из ресторанов города. Об этом писателю рассказал бывший защитник Брестской крепости старшина А.И. Дурасов, который являлся свидетелем этого эпизода. К сожалению, Смирнову не удалось установить личность героя крепости; но про музыканта он выяснил, что его звали Залман Ставский [15, с. 253]. В фондах государственного архива Брестской области хранится паспорт узника брестского гетто Залмана Ставского, 1897 года рождения, выданный ему германскими властями. Известно, что он погиб во время ликвидации гетто в октябре 1942 г. Более подробных сведений про последнего защитника крепости и его судьбу не найдено.

Первый день германского блицкрига в Бресте дорого обошелся его создателям, привыкшим беречь жизни своих солдат. Согласно германским данным, 45-я пехотная дивизия, прошагавшая триумфальным маршем по Елисейским полям, на территории крепости и города только 22 июня потеряла убитыми 311 военнослужащих (включая 21 офицера), вдвое больше, чем за всю польскую кампанию. К 30 июня эти цифры увеличились до 482 человек, включая 40 офицеров. Без вести пропало 2 офицера и 206 солдат [5, с. 403]. По данным советской стороны, в боях за город и крепость 45-я дивизия потеряла 1780 человек. По данным командира 45-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Шлиппера, в ходе боев за город и крепость к 30 июня в плен попало 7122 солдата и 101 офицер Красной Армии, кроме того, захвачено в качестве трофеев 103 орудия, 36 танков и гусеничных машин, около 150 автомашин [5, с. 401]. К сожалению, нам не удалось найти сведения о потерях 34-й и 31-й пехотных дивизий, также штурмовавших Брест. Опять же, к немецким, а тем более к советским данным следует относиться с максимальной осторожностью. Но то, что потери немцев были серьезными, свидетельствует хотя бы тот факт, что ул. Ленина в Бресте была переименована новыми властями в ул. 45-й дивизии. Убитые гитлеровские солдаты были похоронены в городском парке на улице Ленина, офицеров захоронили во дворе Свято-Симеоновского собора на ул. Карла Маркса. До сих пор остается неизвестным точное число потерь военнослужащих Красной Армии и гражданского населения; в первый день войны погибших в боях в крепости и на городских улицах. Но, исходя из реальной обстановки, складывавшейся на тот период, следует признать, что наши потери превосходили немецкие в несколько раз. Погибшие в первый день войны на улицах города военнослужащие Красной Армии и мирные жители были похоронены на кладбище по ул. Пушкинской.

Взяв город практически без особого труда, оккупанты сразу же начали устанавливать свой «новый порядок». Видимо, помня о древнем обычае грабить занятый город в течение трех дней, представители «высшей расы» принялись исполнять заветы предков. Местные жители с ужасом наблюдали, как brave армейцы врываются в дома, квартиры и тащили все что можно и нельзя: одежду, обувь, ценности, мебель, постельные принадлежности. Не брезговали даже женским бельем, иногда срывая его с молодых девушек и женщин [2, с. 8]. Другим не менее важным мероприятием для немцев стали облавы на советских и партийных активистов. Первые 10 дней практически нельзя было находиться на улицах жителям городских окраин: немцы хватали любого и, не особо разбираясь, сразу же расстреливали. Начиная уже с 22 июня; на Граевке в карьерах производились массовые казни арестованных. 23 июня на углу ул. Московской и современного бульвара Шевченко (на месте современного магазина «Меркурий») карателями были расстреляны 24 человека, попавшие в облаву уже утром 22 июня. Повторные облавы в городе были проведены с 8 по 12 июля, в ходе которых было расстреляно около 200 рабочих-железнодорожников. «По многочисленным рассказам населения, ночью 6 июля 1941 года немцами было арестовано более 6000 мужчин. Арестованные больше к себе не вернулись. Они были замучены и расстреляны» [16, лл. 1-2]. Поражают своим цинизмом отчеты полиции безопасности по Бресту: «В Бресте... за сентябрь 1941 г. ликвидировано 4435 человек. За период с 21 по 31.07.1941 г. — ликвидировано 1280, 9.08 — 510, 18.08 — 1296, 26.08. — 769 человек» [5, ч. 2, с. 25].

С первых же дней оккупации для населения остро встал вопрос продовольствия. Магазины не работали, поставки продуктов питания прекратились. Кого-то пока выручало подсобное хозяйство, кого-то — огород. Непонятно каким образом на ст. Брест-Восточный оказался разбомбленный немцами эшелон с продуктами питания — масло, маргарин, мука. Жителям ближайших окрестностей на какое-то время повезло, пока об этом не пронохали немцы, сразу же оцепившие состав [2, с. 9]. Постепенно оккупационные власти начали организовывать продажу хлеба, сначала за советские деньги, затем только за оккупационные марки и строго по карточкам. За хлеб приходилось выстаивать в очередях по 10-12 часов, причем полиция, быстро организованная из числа местных жителей, в основном уголовников-украинцев, зорко следила, чтобы в очереди не было так называемых «восточников» и евреев. 25 июня комендатура вывесила объявление о том, что с 6 часов утра на следующий день в одном из магазинов города будет организованная продажа хлеба за советские деньги. В назначенное время около магазина собралась огромная толпа народа. Все происходящее на кинокамеру тщательно снимал немецкий корреспондент. Как только он закончил съемку, магазин сразу же закрылся [5, ч. 2, с. 32]. Нормы выдачи хлеба постоянно сокращались, пока не были введены карточки: 200 грамм на взрослого и 100 — на ребенка [2, с. 11]. С течением времени и эта норма была урезана вдвое. Тем временем на перронах вокзала было установлено несколько немецких полевых кухонь, из которых регулярно кормили представителей вермахта, полицаев и «фольксдойче».

Уже на второй день оккупации был издан приказ на немецком, русском, белорусском и польском языках о том, что все лица мужского пола от 16 до 60 лет подлежали регистрации и взятию на учет. Вводился особый учет для «восточников» и членов их семей. Позднее все они были выселены ближе к Мухавчу, где для них было организовано за колючей проволокой своего рода гетто. За укрывательство евреев или «восточников» полагался расстрел. Особым приказом предписывалось сдать оружие, радиоприемники, политическую литературу. Подлежали уничтожению даже произведения русских классиков. В городе с 23 июня вводился комендантский час с 21 до 7 утра. За нарушение комендантского часа в лучшем случае грозила тюрьма.

В первых числах июля немцами было организовано марионеточное городское самоуправление из числа коллаборационистов. Во главе города был президент — Брониковский (бывший инженер водоканала), вице-президентом у него стал Григорий Проневич (бывший офицер польской армии), пост бургомистра занял Федор Малюта, начальником криминальной полиции назначили Иванковского, начальником общественной полиции — Завадского, председателем суда — Василю Криницкого. В зданиях облисполкома, обкома партии, крупных домах разместились различные немецкие учреждения. В здании одного из отделов НКВД поместилось гестапо. До 20 июля 1941 г. продолжала легально функционировать областная больница, где наряду с больными проходили лечение раненые бойцы и командиры Красной Армии, местные жители. После 20 июля больница была отдана под немецкий военный госпиталь, прием немцев и «фольксдойче» осуществлялся бесплатно. Для населения был установлен график платного приема за оккупационные марки. Немецкий и украинский языки были объявлены государственными. Вся переписка с германскими властями, официальная документация отныне велась строго на немецком языке.

Все предприятия и фабрики, которые работали в городе при советской власти, были закрыты. Восстановлена была работа лишь водочного завода, мясокомбината, продукция которых целиком уходила на нужды вермахта. Были возвращены прежним владельцам две мельницы и один из лесозаводов.

20 июля немцы организовали учет городского населения, согласно которому в городе проживало 18 тысяч евреев, 15 тысяч поляков, 8 тысяч восточников и около 5 тысяч лиц других национальностей. В августе была проведена новая акция: обмен советских паспортов на немецкие. Лица, по каким-то причинам оказавшиеся без советского паспорта для получения нового должны были привести в комендатуру трех свидетелей для подтверждения личности, после чего дополнительную проверку проводило гестапо. Тем, кто не обменял паспорт, грозили карательные меры, вплоть до расстрела, кроме того, они не могли уже получать карточки на хлеб.

Таково было положение в городе в начальный период немецкой оккупации. За годы германской оккупации в Брестской области было уничтожено 159526 мирных граждан [17, л. 6].

Литература:

1. Буг в огне: Сборник. – Минск: Беларусь, 1977. – 446 с.
2. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). Фонд 2221-п. – Оп. 41. – Д. 21.
3. Гребенкина, А.А. Брест непокоренный: антифашистское подполье г. Бреста и Брестского района в годы Великой Отечественной войны (1941-1944). – Минск: БелЭН, 2005. – 311 с.
4. ГАБО. Фонд 7474. – Оп. 1. – Д. 34.
5. Память: Гст.-дакум. хроника Бреста. У 2 кн. Кн. 1. – Минск: БЕЛТА, 1997. – 576 с.; Кн. 2. – Минск: БЕЛТА, 2001. – 687 с.
6. ГАБО. Фонд 7474. – Оп. 1. – Д. 1.
7. Вечерний Брест. – 1993. – № 25.
8. ГАБО. Фонд 7474. – Оп. 1. – Д. 17.
9. Знамья юности. – 1996. – № 113.
10. ГАБО. Фонд 7474. – Оп. 1. – Д. 10.
11. Бодрихин, Н. Победители непобеденных // Родина. – 2004. – № 8.
12. Брест. Энциклопедический справочник. – Минск: БелСЭ, 1987. – 407 с.
13. Ларинцев, Р. Потери Люфтваффе в первый день войны / Р. Ларинцев [Электронный доступ]. – Режим доступа: <http://www.airforce.ru>. – Дата доступа: 18.05.2005.
14. Родина. – 2005. – № 4.
15. Смирнов, С.С. Брестская крепость. Минск: Мастацкая літаратура, 1991. – 412 с.
16. ГАБО. Ф. 514. – Оп. 1. – Д. 298.
17. ГАБО. Ф. 514. – Оп. 1. – Д. 4.

А.П. Касперович

г. Брест

ВЛИЯНИЕ КАРДИНАЛЬНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПОВ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ НА ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СССР И НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

Позитивные сдвиги в мире, основанные на новом политическом мышлении, объявленном тогдашним руководством СССР (Горбачев и К), как тогда было заявлено, "отвечали долгосрочным интересам Советского Союза".